

Эдуард Гурвич

*ДЕРЗКИЕ
ПАРАЛЛЕЛИ*

жизнь и судьба эмигранта

Эдуард Гурвич

**Дерзкие параллели.
Жизнь и судьба эмигранта**

«Спорт»

2012

ББК 47.2.1.1

Гурвич Э.

Дерзкие параллели. Жизнь и судьба эмигранта / Э. Гурвич —
«Спорт», 2012

ISBN 978-5-904885-97-7

«...И я решил написать биографию князя Лобанова-Ростовского – человека с необыкновенной жизненной историей. Впрочем, выявились и другие причины, побудившие меня взяться за книгу. В частности, параллели – несомненно дерзкие, прямые и косвенные – проходящие не только через детские и отроческие годы, но и через наши столь разные и в то же время схожие эмигрантские судьбы». – Э.Г.

ББК 47.2.1.1

ISBN 978-5-904885-97-7

© Гурвич Э., 2012
© Спорт, 2012

Содержание

Параллели	7
О хлебосольстве и благотворительности	9
Из князя в грязь	13
«Восток-запад»	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Эдуард Гурвич

Дерзкие параллели.

Жизнь и судьба эмигранта

© Эдуард Гурвич, 2012

* * *

Посвящаю дочери

Князь Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский (слева) и Эдуард Гурвич. Ричмонд-парк, Лондон.

В 1995 году я, тогдашний лондонский корреспондент американского русскоязычного альманаха «Панорама», написал очерк о князе Никите Дмитриевиче Лобанове-Ростовском. Из двадцати с лишним страниц редакция сначала хотела напечатать лишь шесть, а затем и вовсе отказалась от публикации. Будучи в Москве, Никита Дмитриевич предложил этот материал иллюстрированному журналу. В результате часть очерка была опубликована там за подписью... главного редактора и под моей искаженной фамилией. Соавторство бандитское, без всякого согласования, но принятое и в сегодняшней России. Об истинной подоплеке отказа в публикации в альманахе «Панорама» я всё-таки узнал: будто у Лобанова-Ростовского в Калифорнии плохая репутация...

В мае 2011 года, после долгого перерыва мы случайно встретились с князем в Пушкинском Доме на выставке русских художников Парижской школы. И я напрямую спросил про

репутацию. Никита Дмитриевич ничуть не смутился и сказал, что вокруг него по-прежнему множество сплетен: будто он антисемит, жидомасон, цэрэушник, кагэбэшник, а то и просто шпион.

После этого признания я решил написать биографию князя, человека с необыкновенной жизненной историей. Впрочем, выявились и другие причины, побудившие меня взяться за книгу. В частности, параллели – **несомненно дерзкие**, прямые и косвенные – проходящие не только через детские и отроческие годы, но и через наши столь разные и в то же время схожие эмигрантские судьбы.

Параллели

Князь Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский родился в Царстве Болгария в 1935 году в семье русских эмигрантов, бежавших из Советской России от большевиков. Я родился в Стране Советов в 1939 году в семье еврейского эмигранта. Отец князя был арестован и расстрелян за попытку бежать из советской Болгарии. Мой отец, очарованный идеей построения социалистического Биробиджана, в конце 20-х годов приехал туда из Аргентины. Он прозрел в считанные месяцы, но аргентинский паспорт у него уже отобрали. Из Биробиджана он сумел выбраться лишь в Москву.

Детские годы Никиты Дмитриевича были счастливыми пока не началась война. Ему пришлось вместе с родителями пережить бомбёжки в Софии, а вслед за нацистской оккупацией пережить оккупацию Болгарии советскими войсками.

Мои родители после начала войны оставались в Москве и прятали нас с сестрой в бомбоубежищах от ночных налётов гитлеровской авиации. Последним эшеленом вместе с оборудованием эвакуировавшегося на восток завода, где работал отец, нас вывезли в Ульяновск. (О своем детстве и отрочестве я рассказал в книге «Моя Азбука»).

Жизнь князя сложилась достаточно трагично. Одиннадцатилетний Никита оказался в тюрьме – по делу о побеге его родителей из советской Болгарии. Спустя год юный князь вышел на волю. Мать с отцом ещё оставались в заключении и его приютила бедствовавшая семья няни. Никита познал такую нищету, которая, хоть и напоминает мне мою, в послевоенном бараке за Красной Пресней, но несравнима с пережитым моей семьёй. Юный князь подбирал окурки, чтобы по крохам собрать табак, на вес продать его цыганам и принести эти гроши в семью няни. Он чистил огороды, сады, тащил для топки печи то, что удавалось оторвать от заборов. Я тоже помню голод в моём детстве. Я тоже подворовывал мелочь в отцовском кошельке, а позже, в студенческом безденежье, сутками ездил ассистентом проводника в общем вагоне, помогая тому обирать левых пассажиров, чистя туалеты, охраняя вагон от «зайцев», с которых нечего взять. Князь мальчишкой воровал уголь на вокзале, а я с отцом таскал в сарай купленные у сторожей и рабочих барж сворованные ими дрова...

Никиту и его мать, после того как её выпустили из тюрьмы, ни на минуту не покидало намерение выбраться из советской Болгарии. За них хлопотал дед по материнской линии В.В.Вырубов, живший в Париже. В моей семье не было даже и мысли, что нам когда-нибудь удастся покинуть Советский Союз. Никита, став юношей, не надеясь, что его с матерью выпустят, готовил себя к новому побегу – заплыву через нейтральные воды к берегам Турции. К счастью, этого не потребовалось. Он и больная мать, в конце концов, уехали легально. 30 сентября 1953 года они оказались во Франции.

Я же, возвращаясь из школы, где был единственным в классе евреем, тихо плакал и мечтал, что когда-нибудь выберусь в Америку, к нашим родственникам, о которых в семье говорили по секрету. Страх оказаться в ГУЛАГе подавил у отца всякие надежды. Первая крупная ссора с ним у меня случилась в 1956 году, когда нас посетил его брат из Флориды. Я был уверен, что отец должен попытаться выбраться в Америку и вытащить нас с сестрой. Он кричал, что у него в СССР пенсия, смежная двухкомнатная квартира, бесплатное образование для детей. А в Америке всё надо начинать сначала и за всё платить. В результате, я на год уехал из родительского дома в Сибирь, в Туву, потом вернулся и поступил в Московский университет. На большее меня тогда не хватило. Моему сыну было два года, когда я, наконец, решился и фактически убежал из Советского Союза. В Хитроу я прилетел из Москвы с туристической визой. Я был без английского языка, но со многими советскими мифами, о которых не подозревал. И со 120 фунтами в кармане! Понятно, с таким багажом мои надежды в 50 лет завоевать Лондон

оказались тщетны. Вытащить сына с его матерью я не смог. Сыну пришлось выбираться из России самому, спустя 20 лет...

При всей разности судеб, биографий, а также времени и обстоятельств нашей эмиграции, похожесть детских и отроческих воспоминаний, вероятно, определила тон бесед с князем, отличавшихся доверием и открытостью. Я признавался князю в чревоугодии, тяжком грехе, который тщетно стараюсь искупить ограничениями на протяжении всей моей взрослой жизни, но и сегодня боюсь пустого холодильника. Я не скрывал, что слежу за собой, сидя за обеденным столом, чтобы есть бесшумно, правильно пользуясь приборами. Оказалось, что и для князя пережитый в Болгарии голод не прошёл бесследно. Нынешняя, нежно любящая его жена Джун, происходя из родовитой английской семьи, постоянно напоминает ему, что он ест слишком быстро. Действительно, Никита Дмитриевич не любит долгие застолья и воспринимает еду, как необходимость насыщения. Я вспоминаю хлебную палатку, где продавалась калорийная булочка с изюмом, которая была недоступна моей семье, но ненавижу редиску, которую выращивали и ели, пока не надоест. Князь помнит манящий запах свежее выпеченного кукурузного хлеба:

– Горячий, он обладал вкуснейшим запахом, а горбушка хрустела во рту. Зато мякиш из сырого теста камнем ложился на желудок. Помню и круглые кукурузные лепешки, и, как ни странно, когда бываю в Америке, с удовольствием ем corn bread. Очень люблю чай из цветов липы, которую сам ныне собираю около дома в Яауепзсой Парк. До сих пор люблю ещё одно блюдо тех голодных лет: суп из чечевицы.

Хотя тюремный суп из фасоли князь называет похлёбкой из непотребного, но, оказываясь в Болгарии, непременно идёт в лучший ресторан Софии и заказывает там болгарское национальное блюдо «фасул чорба».

Я за свою почти полувековую журналистскую практику редко встречал героя своих очерков, который бы так любил себя. Этот грех – эгоизм – подмечаю в себе тоже. Князь, вне всякого сомнения, нарцисс и ему нравится внимание серьёзной прессы. Мне тоже свойственно стремление к публичности: иначе я бы не занимался журналистикой, преподаванием.

Спустя десятилетия с момента нашей первой встречи с князем, я пришёл к нему после его развода с первой женой, Ниной, и сказал, что нынешние апартаменты выглядят скромнее прежних. В подтексте замечания – стандарты, которыми набита моя бедная голова: мол, пощипала вас прежняя супруга! В ответ о ней ни одного худого слова, хотя оставил ей квартиру, часть архива, любимые картины. Да, поначалу поселился с Джун в её пятиэтажном доме. А потом вместе решили: важен комфорт, а не престиж, и перебрались в этот.

Далее, я интересуюсь, когда и как он от собирательства и коллекционирования произведений искусства пришел к меценатству. В голове у меня с моей советской ментальностью уже рисуется образ мецената с идеалами добра. Никита Дмитриевич остужает меня вопросом: почему в Америке так много прекрасных музеев? Потому что даритель снижает свои налоги, которые списываются на сумму пожертвования. Так что дарить побуждала не совесть, а экономия. Иначе говоря, выгода! Ещё пример. С моим советским максимализмом в очередной раз пытаю князя, что он чувствовал, когда мать говорила ему, уже взрослому сыну: иду на явочную квартиру, чтобы писать очередной донос. Никита Дмитриевич на мгновение перенёсся в те времена и тут же отвечает: «Я чувствую боль за мать, что ей это приходилось делать. Я всегда очень любил мать и никаких нравственных терзаний не испытывал! Выживать надо было! Отца, которого поначалу выпустили, снова посадили и к тому времени уже расстреляли!..»

С той первой встречи я помнил, что элегантность в одежде князя была притчей во языцех у журналистов. Его склонность к гедонизму, как и моя, вне всякого сомнения, следствие пережитой бедности и безденежья в наших эмигрантских семьях: князя Никиты Лобанова-Ростовского в Царской, а затем социалистической Болгарии, и моей семьи в Стране Советов.

О хлебосольстве и благотворительности

Жизнь перемешивалась с сюжетом, который сложился у меня ещё до того, как я начал писать книгу. Наше общение с Никитой Дмитриевичем было ежедневным, на самом пике, когда он предложил мне присутствовать на встрече с его приятелем Диком Кулсоном, крупным адвокатом в прошлом, которого знал ещё по Нью-Йорку. Они не виделись 20 лет. Приятель прилетел с Багамских островов, намереваясь собрать материал и написать очерки о коллекционере Никите Лобанове-Ростовском. Встреча прошла более чем обыденно: без цветов для супруги, без багамских сувениров. Позже, на мой вопрос насчёт цветов князь улыбнулся: «Нет, это не принято на Западе!» Но ведь я-то пришёл в княжеский особняк со своими старыми представлениями! Я знаю, что и цветы, и сувениры, и дружеские объятия должны быть непременно. Знаю также, что гостя надо угостить...

Живя в Лондоне, посетителей и гостей принимаю редко, но если они случаются, чай с ними гоняю и даже готовлю для них борщи. Жадным себя не считаю. Хотя скупость иногда подмечаю и тогда стараюсь доказать обратное. Пятьдесят лет я прожил в голодающей стране с хроническим дефицитом, прежде всего, продуктов питания. При нищенском уровне жизни значение подарков, уровень приема гостей у моего поколения преувеличено. А подсознание не меняется даже в эмиграции.

Когда мои студенты едут в Россию и потом рассказывают о необыкновенном гостеприимстве русских, я советую не обольщаться. Характер нации, традиции – тут последнее дело! И если вы попали в сети этого хлебосольства, то будете себя чувствовать крайне неловко, видя, как хозяева тратят на угощения последние деньги. Ну, а затем ждите гостей в Лондоне. И тогда уж, будьте любезны готовить завтраки. А обеды и ужины – с «первым, вторым и третьим», т. е. закусками, горячим, десертом. И не вздумайте вести их вместо этого в ресторан за углом, паб, даже в Макдональдс. У вас в доме, прежде всего, стол должен ломиться от яств! Но ничего подобного в доме князя не происходило. Вместо того, чтобы парить-жарить на кухне, Джун, очаровательная супруга Никиты Дмитриевича, предложила нам чай-кофе, поставила вазочку с печеньем и отправилась в сад. В продолжение трёхчасовой беседы приятелей я через широкое окно наблюдал, как она обрезала в саду кусты, складывая ветки в чёрные мешки. На следующий день нашей встречи с князем в Лондоне стояла жара, и нам предложили холодной воды со льдом. А спустя два часа, князь вдруг сказал, что пришло время приготовить сэндвичи, ушел на кухню и вернулся... с кофе для себя. Тогда я достал из портфеля яблоко и стал грызть его. Впрочем, перед нами стояли бокалы для прохладительных напитков, но уже пустые, на что хозяин, уверен, по рассеянности не обратил внимания...

Позже, по дороге домой, размышлял, как объяснить себе своего героя. Страшно не хотелось разочароваться в нём! Но ведь даже лёгкое застолье связано со временем, транжирить которое князь не намеревался! Тут всё вдруг встало на свои места: и образ его мыслей, и стиль жизни. Чай гонять – время терять! Почему-то вдруг вспомнились рассказы о фантастической скупости едва ли не самого богатого советского писателя-переводчика Самуила Маршака. Не чай он жалел, а время. Потому собеседников отбирал скрупулёзно, в гости звал редко. На молву, похоже, ему было наплевать! Зато сколько оставил стихов, сколько замечательных переводов! Тем не менее, я решил испытать правильность хода собственных мыслей, и вечером того же дня отправил электронное письмо: мол, вижу, не по-княжески живёте, Никита Дмитриевич: жена в саду работает, вы сами себе сэндвичи жарите, кофе варите... А где челядь? Где прислуга? Ответ его замечателен:

– Я ежедневно делаю кофе и сэндвичи для моей секретарши Ольги. Она много лет состоит у меня на повременной оплате. Приходит к полудню и пашет допоздна. Это минимальное внимание, которое я ей уделяю. Джун не разрешает и не хочет у нас иметь проживающую

прислугу, чего я предлагаю много лет. Да, днём приходит домработница. Со всем остальным в доме мы управляемся сами. Пока, как видите, дополнительных слуг не требуется. Время дорого! Это самое ценное, что каждый из нас имеет. Время нужно очень беречь, если хотите что-нибудь создать. Конечно, разные люди трактуют такой стиль жизни по-разному. Но бессмысленные разговоры, даже с бывшим приятелем, во время интервью считаю неуместными.

Вот так! Варить кофе и готовить сэндвичи секретарше – между прочим, правнучке вожака бакинских комиссаров, Степана Шаумяна – князь, ненавидящий коммунистов, не считает для себя зазорным! А трата времени на пустые разговоры с бывшим приятелем – излишество! Кстати, само появление приятеля в роли берущего интервью, вызвало у меня удивление. Дик записывал каждое слово Никиты Дмитриевича и вёл себя так, будто ничего не знал о человеке, к которому много лет ходил в гости, принимал у себя. Даже охотились вместе! Оказалось, дело обстояло несколько иначе:

– Незнание о моем коллекционировании, несмотря на относительно дружеские отношения в 50-х, 60-х и 70-х годах в Нью-Йорке, типично для почти всех наших знакомых. В молодые годы мы старались утвердиться профессионально. Моими приятелями были студенты бизнес-школ, начинающие юристы, банкиры, маклеры. Мало кто из них интересовался русским искусством, да и вообще искусством. Никто картин не покупал. Но был узкий круг людей, такие, как директор Музея современного искусства Альфред Барр, или же Юрий Рябов – единственный на тот момент коллекционер русского искусства в Нью-Йорке, с которыми я и моя первая жена Нина могли поделиться нашими интересами.

У моих современников в Нью-Йорке была мотивировка: преуспеть в жизни и зарабатывать деньги. Я никогда никому из друзей не навязывал свой интерес к искусству. А в тот же период в Советском Союзе люди сидели на кухне, пили водку, терзали друг друга вопросом «ты меня уважаешь», обсуждали отвлечённые моральные темы, составляющие суть русской души и столь типичные для русской интеллигенции. Но такие посиделки на кухнях никак не помогали продвинуться в карьере, а отражали двойственность жизни. С одной стороны, публичная жизнь, связанная с работой и учёбой, где надо было убеждать всех, кто слушал и подслушивал, в своей лояльности к режиму; с другой – личная, где старались жить нормальной жизнью, отводили душу в пустых разговорах. Вот почему бывший приятель задавал мне многие вопросы, относящиеся к моей жизни в Болгарии и к искусству. Не только его, никого из моего окружения, повторяю, это не интересовало тогда в Нью-Йорке!

К этим комментариям князя о жизни в Советском Союзе добавлю лишь мой скепсис к тем иностранцам, которые и сегодня полагают, что жизнь на кухне в советские времена отражала нашу духовность, выгодно отличавшуюся от западного прагматизма. Как много времени уходило тогда на пустые разговоры! Наверное поэтому в последние годы я ценю, когда телефон молчит. Мне всё больше нравится уединение. Какие-то приятели сами собой отпали из круга моего общения. И не жалею. Времени стало больше. Я успеваю сделать то, чего раньше не удавалось. Хотя, возвращаясь к теме гостеприимства и помня голодные годы, вероятно, всегда буду готов попотчевать не только гостей, но и студентов своих.

Теперь об отзывчивости. В Ричмонд-парке, увидев бездомного, я спросил князя: «Подаёте?» Он ответил: «Нет!» И объяснил, что когда учился, как-то оказался в компании пятерых студентов Оксфорда, один из которых уже получил степень доктора. Все вместе выходили из гостиницы «Рандольф». У выхода стоял нищий. Состоятельный приятель протянул ему довольно солидную тогда сумму в пять долларов и спросил: «Почему ты попрошайничаешь?» Тот ответил: «Потому что находятся дураки вроде тебя, которые подают!»

Князь привёл и другой пример. В центре Парижа, на улице Дарю стоит русская церковь – храм Александра Невского. У входа в неё всегда дежурит нищий. В Париже попрошайничество запрещено. Оказалось, что русская церковь получила диспенсацию в мэрии на том основании, что подача милостыни является частью православного обряда. Церковь специально

наняла человека на... роль нищего, чтобы пробуждать у прихожан сёрдоболіе. Потому служащий каждый день подъезжал на велосипеде, проходил в помещение канцелярии церкви, забинтовывал голову, переодевался в лохмотья и садился на рабочее место у входа во двор церкви...

– Несколько лет назад, – рассказывал князь, – моя супруга Джун предложила работу человеку, просившему у прохожих подаяния: приходи, подметай и убирай на улице около моего дома, а я буду платить тебе. Он походил два дня и исчез. Наверное, у него были причины откаться. Или просто не привык работать, или смекнул, что, попрошайничая, получает больше, не прилагая никаких усилий.

Какое из этих предположений правильно, вопрос для социолога. Но мои прежние собственные убеждения: мол, подавать надо, если человек дошёл до того, что выходит на улицу попрошайничать, тот разговор с князем серьёзно поколебал. В Лондоне городскими властями бездомным предоставляется ночлег с возможностью принять душ, иметь завтрак, обед и ужин. Надо только обратиться в соответствующие учреждения. Более того, если в большинстве случаев, бездомность и попрошайничество – сознательный выбор, то подавать означает поощрение лени, социальной беспомощности, наконец, презрения к обществу.

Милосердие уместно, когда человек борется, хочет помочь себе сам. В противном случае это развращает. Развращает, кстати, не только личность, но и целые народы, страны. Слишком тонка грань между требованием социальной справедливости и иждивенчеством. Эта грань легко разрушается во время социальных взрывов, революций. Призывы всё поделить между богатыми и бедными в современном арабском мире; иждивенчество в российском народе, насаждавшееся системой распределения – всё это цепочки одного звена. В последнем случае это особенно заметно.

В современной России развращёнными оказались все слои населения: ветераны войны вспоминали «минувшие дни», заливая их водкой, в то время как на Западе вернувшиеся с фронта строили свою жизнь, не рассчитывая ни на какую помощь. Да, государство должно заботиться, да, страна в вечном долгу! Но кто будет платить этот долг? Те же поколения иждивенцев, вопивших в пионерском строю: «Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство!»? Обречённые на пожизненное ожидание очередники на бесплатное жильё? Миллионы пенсионеров, потерявших свои скромные вклады и живущих на гроши?..

Никита Дмитриевич в его тяжелом детстве голодал, нищенствовал, но никогда не попрошайничал. На его примере выскажу крамольную мысль: в крайней нужде предпочтительнее стащить кусок хлеба, чем сесть на улице и просить милостыню. Такое воровство менее разрушительно для личности, чем попрошайничество!

Любопытно, что и сегодня князь в очень счастливом втором браке и мысли не допускает, что повесит свою старость и грядущую немощь на плечи более молодой жены. Нет, он и здесь позаботился о себе. Они с Джун нашли и наняли женщину, которая пока выполняет обязанности домработницы, но при первой необходимости будет жить в их доме и профессионально ухаживать за ним до смертного часа, зная, что её будущее обеспечено соответствующим распоряжением в банке.

Умение позаботиться о себе – это инъекция от любых форм иждивенчества, включая паразитизм родителей на детях и наоборот, зависимость от родных и близких, прикрываемые в российском обществе ханжескими наставлениями о заботе и милосердии. Что же касается слухов о скупости князя, подозреваю, их он сам провоцирует (причину таких провокаций поясню ниже). Пока же расскажу о сваре, затеянной князем в Ричмондпарке с продавцом в чайной палатке: мол, в пластиковом стакане чай твой мне не по карману! Тот, глядя на нагрудный карман пиджака, из которого выглядывал край шёлкового платочка, заметил: «Вы не производите впечатления человека, который не в состоянии заплатить за чай». Но князь продолжал ворчать, что красная цена его чаю не полтора фунта, а 20 пенсов. Ну что ж, Никита Дмитри-

евич не скрывает, что не хочет тратить деньги, когда заламывают нерезонную цену, считает это транжирством.

Я же добавлю к его репутации скряги следующее: тот, кто рассчитывает на денежную помощь, должен знать – князь деньгами не разбрасывается и в тратах весьма осторожен. Несмотря на то, что он заподозрил меня в намерении получить от него спонсорскую поддержку на мою книгу, с этими жизненными установками князя я согласен и даже хотел бы внести коррективы в свои. Хотя в какой-то момент Никита Дмитриевич и выразил желание помочь издательству в публикации этой книги, я отозвался шуткой: в моих рассуждениях так много противного, что ему лучше подумать, как стимулировать автора, чтобы книга не вышла в свет!

Но если говорить всерьёз о действиях князя и разговорах о скупости, то лишь очень предвзятый биограф не увидит разительную дистанцию между скаредностью и настоящей благотворительностью. О какой скупости можно говорить, если его меценатство в Оксфорде имеет точное выражение в цифрах: князь в 2011 году пожертвовал миллион фунтов альма-матер, Оксфордскому университету, на создание кафедры планетарной геологии.

Из князя в грязь

Никита родился в аристократической семье, где говорили на четырёх языках. С родителями и няней мальчик изъяснялся по-русски, с прислугой – по-болгарски, по утрам к нему приходила гувернантка-немка, после обеда – француженка. Казалось, ничто не угрожало блестящему будущему отпрыска 33-го колена Рюриковичей. Отец Никиты закончил очень престижную английскую школу в Харроу под Лондоном и, возвращаясь в Болгарию через Париж, привёз в Софию будущую мать Никиты, кстати, тоже получившую блестящее образование. К середине тридцатых годов семья была полна счастья и надежд. Никто ещё не думал о надвигавшейся войне. Всё дальше отступали воспоминания о том, как дедушку с бабушкой и их сыновей вызволяла из Украины тетка Никиты, Ольга Ивановна. История же та была без преувеличения авантюрой.

Ольга жила в Швейцарии, куда уехала учиться в 1914 году. Спустя два года после Октябрьской Революции, она взялась осуществить смелый план – вывезти застрявшую в Одессе семью. Прямым поездом она направилась в Бухарест. Ехала в купе первого класса и на второй день поделилась своим замыслом с мужчиной, который оказался с ней в одном купе. Тот назвал план безумием, но, прощаясь, протянул свою визитную карточку и сказал: «Передайте её моему другу, капитану порта Галац, Константину Улику. Он поможет, поскольку такой же отчаянный, как и вы». Это была карточка военного министра Румынии...

Она нашла капитана Улика, вручила ему визитную карточку военного министра, и тот, в самом деле, помог. Можно легко предположить, что он влюбился в миловидную Ольгу с первого взгляда (во всяком случае, рассматривая их фотографию 1920 года, я сделал такой вывод). Можно также поверить, что Ольга вскружила голову бравому капитану именно своей отчаянной смелостью. Так или иначе, нелегально он взял судно под военным флагом и вывез княжну по реке к границе Украины. Через три дня он пообещал ждать Ольгу с семьёй на том же месте в нейтральных водах.

Самое удивительное, что в прямом смысле былинной Ольге удался её план. Потомки Рюриковичей, князья Лобановы, внешне очень похожи на татар и калмыков. Поэтому ни у кого не вызвало подозрений, когда всё семейство облачилось в крестьянские одежды, и, загрузив вещи в телегу, отправилось в путь. Без всяких помех Ольга перевезла семью с багажом на корабль, ожидавший их в тех же нейтральных водах. Добрались до Румынии без приключений, но при въезде в страну их всех арестовали. У прибывшей княжеской семьи появились реальные шансы быть выдворенными незамедлительно туда, откуда они явились. Между Румынией и Страной Советов уже тогда существовало соглашение о выдаче нелегальных российских беженцев.

Однако Лобановых большевистскому правительству не выдали. И, как выяснилось, по одной причине: у них были деньги. «Дедушка, – вспоминает Никита Дмитриевич, – попросту откупился, и их выпустили из тюрьмы. После чего семья отправилась в Болгарию. Выбор был обусловлен тем обстоятельством, что в Софии, в соборе Александра Невского по воскресным дням пел хор Софийской оперы. Моего деда, князя Ивана Ивановича Лобанова-Ростовского (по отцовской линии) в жизни интересовали лишь две темы – музыка и православие. Он вывез из России даже свою скрипку Страдивари. Бабушке удалось спасти фамильные драгоценности, включая четыре семейных портрета. Кстати, эти портреты – единственное, что мне осталось от большого имущества. Ну, и футляр от скрипки деда».

В Болгарии семья Лобановых жила безбедно, даже после того, как бабушка Никиты потеряла большую часть своего состояния на «угольных копиях». Нашлись мошенники, которые зарыли в поле несколько телег угля и предложили бабушке вложить деньги в «месторождение». Бабушка уже купила этот участок земли, когда обнаружился обман.

Поразительно, что авантюрный побег, который организовала Ольга Ивановна Лобанова-Ростовская, не канул в лету семейных преданий. И не только потому, что в тюрьме между Константином и Ольгой завязался роман и впоследствии, княжна, выйдя замуж за капитана, осталась в Румынии. Станным образом, неудачный побег, но с трагическими последствиями, позже пришлось пережить родителям Никиты и ему самому. Став юношей, он самостоятельно, в одиночку, готовился к третьему побегу...

Никита помнит в своём детстве годы войны «осколками». Ведь юному князю пришлось походить и в немецкую школу, которая была неприятна бессмысленной муштрой. Запомнились ужасы ежедневных бомбёжек – днём сбрасывали бомбы американцы на «летающих крепостях» – так называли их бомбардировщики Б-14, а ночью прилетали англичане. Болгария, хотя и уклонялась от активных действий на восточном фронте, всё-таки формально входила в состав Оси, считалась сателлитом Гитлера и объявила войну союзникам антигитлеровской коалиции. Страна находилась в состоянии войны с Америкой и Англией. В один из августовских дней 1943 года по радио объявили о смерти царя Бориса. В детском сознании остался тревожный звон колоколов всех соборов в Софии. Никита помнит, как его суровый дед вдруг встал и молча перекрестился. Взрослые в семье ещё долго обсуждали случившееся.

Незадолго до смерти царь Борис был вызван Гитлером в Берлин, чтобы обсудить проход немецких войск через Болгарию и ударить с тыла по нефтяным районам Плоэшти в Румынии. Царь, по происхождению немец из Сакс-Кобург-Готской династии, возможно, ещё пользовался доверием Гитлера, но настойчиво убеждал фюрера не отправлять болгарские войска на советско-германский фронт, а использовать их в оккупационной зоне в Югославии и Греции. На все «пожелания» Рейха он отвечал, что Болгария традиционно слишком сильно привязана к России, которая помогла избавиться от турецкого ига. И воевать болгары против русских не станут. Такая неуступчивость, как полагают исследователи, стоила царю Борису жизни. Когда он возвращался из Берлина на военном самолёте «Мессершмидт», ему в кислородную маску подложили яд. Вскоре после этого царь скончался.

Но самое сильное впечатление осталось после бомбёжки Софии в середине января 1944 года. Город горел. И жители его выбирались, кто куда мог. Родители вытащили из дома кровать, поставили на полозья, сложили на неё вещи и направились в предместье Павлово, к складам знакомых армян, торговавших табаком. Отец по снегу тянул на верёвках эту кровать целых пять километров. Девятилетний Никита изо всех сил помогал. Выбравшись из городской квартиры, семья поселилась в одной из складских комнат, где прожила до самого конца войны. В комнате той ранее находились тюки с табаком, запах от которого связался с детскими впечатлениями тех лет.

И всё-таки, несмотря на войну, Болгария (особенно до её оккупации в 1944 советскими войсками) оставалась для Никиты страной, где он чувствовал себя дома. У него была нормальная семья с родителями, с бабушкой и дедушкой, с няней, вначале с гувернантками, потом со школами – болгарской, русской, немецкой. Отец Никиты в момент советской оккупации работал финансовым директором на текстильной фабрике, принадлежащей итальянцам. Но вскоре предприятие передали Советскому Союзу в виде военной компенсации и отцу Никиты предложили принять советское гражданство. Понятно, что с получением советского паспорта его ждала депортация и ГУЛАГ. Отец отказался, после чего начались стычки с властями. Карающий меч Страны Советов вторично настиг семью из-за трагической ошибки – не перебраться при немцах, когда это было ещё возможно, из Болгарии на Запад, а остаться ждать «освободителей». Решение это, впрочем, выглядит наивным лишь теперь, а не тогда, в 1944-м. Были очевидные обстоятельства для такого промедления: например, отец не знал о Ялтинских соглашениях участников антигитлеровской коалиции и надеялся, что после войны Болгария станет независимой республикой. Скорее всего, он не хотел покидать страну вместе с нацистами, идеология которых была для него враждебной.

Так или иначе, со сменой режима жизнь Лобановых усложнилась. Когда же в Болгарии по сигналу из Москвы начался красный террор, стало по-настоящему опасно. Дед Вырубов (напомню, по материнской линии), живший в Париже, решил устроить для дочери и её семьи нелегальный переход через границу.

Об участии в том переходе я уже прочитал в воспоминаниях, многочисленных интервью и даже в отдельной книжке, посвященной детству князя, но решил поговорить с ним ещё раз. В летний субботний день, гуляя в Ричмонд-парке в сопровождении его собаки Салли, которую князь обожает, я включил диктофон, чтобы задать ему первый вопрос. Скорее, это был вначале не вопрос, а монолог. Он касался свободы:

– Для нас, людей одной эмигрантской судьбы и одного поколения, помнившего годы войны, в том числе и холодной, ничего дороже свободы нет. Но как представить себе участие в самом побеге, неудачу его и отчаяние 11-летнего мальчика в одиночной камере! Во время трёхдневного похода вы были всё-таки с отцом и матерью. В тюрьме же день и ночь один в камере! Матери многих взрослых детей-студентов, учащихся дома и за границей, каждодневные звонки свои начинают и заканчивают: «Ты поел? У тебя есть деньги? Какие планы на завтра?» А тут ребёнок в одиночной камере! И, спустя год, после тюрьмы – ни дома, ни отца, ни матери! Потому, сразу вопрос: стоит ли свобода таких испытаний? И чем сегодня вы не готовы заплатить за свободу? Жизнью отца вы с матерью заплатили сразу. Любовью заплатили: с отбытием в эмиграцию оставили свою возлюбленную в Со фии. Далее, пренебрегая генетической обязанностью, о которой вы говорите во всех интервью, переселяться в Россию не собираетесь. Свобода дороже! Даже титулом князя заплатили при получении американского гражданства. Понятно, от титула князя отказаться невозможно, но всё-таки. Наконец, нет таких денег, которые ваши родственники в Париже тогда, и теперь вы, не отдали бы за свободу. Тем не менее, чем вы не готовы были бы платить за свободу?

Князь задумался и сказал:

– Жизнью матери за свою личную свободу я платить был бы не готов. Если бы мне сказали, что после моего побега мать арестуют, я бы отказался от побега...

Ответ князя важен для меня тем, что мой сын все свои детские и юношеские годы не мог простить мне, что я покинул Советский Союз, оставив его там. И лишь будучи взрослым, поверил: смысл моей эмиграции – через мою свободу обрести свободу для него. Ведь никто не знал, что Советский Союз развалится спустя всего четыре года после того, как я остался в Лондоне. Но если бы коллапс СССР не случился, я бы и сегодня помогал сыну выбирать из советской империи точно так же, как князю и его матери – дед Вырубов.

– Конечно, – продолжает свой рассказ князь, – только благодаря дедушке мои родители могли решиться на нелегальный переход через границу. Легально нас не отпускали. Дед Вырубов с помощью денег и знакомых на Западе нашёл проводника Дан-чо Пеева, бывшего пограничного офицера болгарской царской армии. Он взялся провести нас в Грецию через самые высокие горы в Родопах. Поначалу родители мне ничего не сказали. В горы, в лес мы всей семьёй ходили и раньше. Обычно наши вылазки продолжались несколько дней. Ночевали в спальных мешках на склоне горы. Последний раз в такой поход мы ходили на мой день рождения, когда мне исполнилось одиннадцать лет. На этот раз всё выглядело иначе, но я так ничего и не заподозрил (более подробно я рассказывал об этом переходе А.Горбовскому, который внезапно умер, не успев закончить начатую им книгу под названием «Детство Никиты»)...

Мы шли по пустынной лесной дороге, когда отец стал как-то второпях говорить мне, что, возможно, так придётся идти долго, может быть, три дня. «А назад тоже пешком? Нет, тогда возьмём машину». Помню, отец недовольно поморщился и пожал плечами. Но вдруг в наш разговор решительно вмешалась мать: «Понимаешь, Никита, мы идём в Грецию. А оттуда едем в Париж к твоему дедушке, Василию Васильевичу. Ты знаешь о нём, ты видел его фотографию». Вот с этого момента я уже понимал всё. Шли долго, я устал, но терпел. Уже смерка-

лось, а мы всё шли. Стало совсем темно, но глаза привыкли. Наконец, наш проводник Данчо сбросил заплечный мешок и объявил, что ночевать будем здесь. Достав походный топор, с ближайшей ёлки он быстро рубил ветки. Отец подхватывал их и раскладывал на снегу. Слой этих веток и стал кроватью. Затем набрали сухих веток. На костре растопили снег и сделали чай из свежих еловых иголок – когда они молодые, они очень яркого зелёного цвета. Выпив чаю, я повалился без сил и стал засыпать. Но вдруг почувствовал, что отец меня будит: «Тебе надо поесть, чтобы к утру иметь силы идти дальше!». Утром я понял, что не могу подвести родителей и опять терпел весь день. Мы шли цепочкой, след в след, по лесу, избегая открытых пространств и дорог. Я двигался последним и старался не отставать. Наконец, мы вышли к границе. Данчо тихо произнёс: «Сейчас переходим!» Отец снял шапку, перекрестился и подошёл ко мне: «Никита, запомни. Если что-то произойдёт, если будут выстрелы, делай то же, что буду делать я. Ложись в снег и не шевелись. Понял?» Я от волнения лишь смог кивнуть. Мы прошли совсем немного, когда вдруг оказались перед просекой и побежали по ней. Помню, что бежать было легко, потому что путь шёл под уклон. Наконец, запыхавшись, остановились. И вдруг до нас дошло, что мы в Греции! Нас теперь не достать! Мать с отцом обнялись, а потом обняли меня. Но Данчо тревожно поглядывал по сторонам. А затем вдруг произнёс: «Не нравится мне всё это! Провожатый с греческой стороны должен ждать нас здесь, у этого камня». Тут я увидел на краю поляны большой, поросший мхом валун. Подождали ещё немного, а потом Данчо показал дорогу к селению, в сторону Салоник, и повел нас к ручейку. Я уже шёл привычно между отцом и матерью, как в Софии. Вдоль ручья шли не очень долго. Вышли к косогору, за которым внизу в долине виднелось селение. Данчо остановился и сказал, что теперь уверен, что довёл дело до конца, и должен повернуть назад. Отец пожал ему руку и вместо того, чтобы без промедления двигаться к селению, решил, что мы с мамой должны передохнуть, а сам наскоро привел себя в порядок, сбрил трёхдневную щетину и тут же ушел, чтобы найти греческих пограничников. Почти сразу мы услышали выстрелы. Спустя 10–15 минут, перед нами оказались офицер и два солдата в болгарской военной форме. Я не успел даже испугаться...

Из рассказа князя (и из протокола допроса его матери, который я привожу ниже, где все представлено ее глазами), из других источников, включая интернет, составила довольно ясная картина, что произошло. Проводнику Пееву, ранее служившему в этих местах, было известно, что греки зимой охраняют этот участок границы плохо: когда выпадал снег, они жили в селениях и не выбирались оттуда даже для патрулирования. Болгарские же пограничники служили добросовестно. И когда заметили следы на снегу, пошли по ним. Увидев Пеева, они открыли стрельбу на поражение. Данчо спрятался за поваленный ствол и начал отстреливаться. Часть спины в коричневатом тулупе пограничники видели и усердно стреляли по цели. Данчо же, пристроив тулуп за деревом, отполз в кусты и скрылся. Из зимнего леса он вышел на дорогу и на ночных попутках добрался до Софии. Его бы не нашли, если бы в кармане тулупа, который он бросил, не затерялся обрывок квитанции на ремонт часов. По ней его вычислили, и, спустя три дня, арестовали. Заключив в Военную тюрьму, его били, пытали, но он никого не оговорил, никого не предал, не сказал ни слова, которое могло повредить другим.

Честно говоря, эпизод этот показался мне списанным из советского детектива о подвигах доблестных разведчиков, о чём я тут же сказал Никите Дмитриевичу. Оказалось, что всё рассказанное им о бывшем пограничном офицере документально зафиксировано в протоколах допроса. Ещё более интригующими и одновременно прозаичными оказались обстоятельства, по которым греческий проводник не встретил беглецов в установленном месте.

Много лет спустя, Никита Дмитриевич выяснил, что завязанный в побеге посредник, член американской миссии при Союзнической контрольной комиссии, позже ставший послом США в Болгарии, полковник Мейнард Барнс, получив оговоренную сумму, а она была огромна, решил сэкономить. Он не заплатил тому, кому предстояло идти на риск, а именно, проводнику, который должен был ждать их в Греции возле границы и проводить. С этим пол-

ковником, сохранявшим влияние в высоких сферах, Никита Дмитриевич мог встретиться, уже находясь в Америке. Но ему посоветовали не усложнять себе жизнь перед получением американского гражданства. Позже он рассказал об этом эпизоде в своих воспоминаниях и поместил там фотографию полковника. Сейчас они переводятся на английский язык, и, возможно, его дети прочитают про «папино посредничество». Ну, а встреча была бы лишней! Вряд ли она произвела бы на полковника впечатление.

Впрочем, вернёмся к воспоминаниям Никиты о тех трагических событиях, которые не стирает время:

– Болгарские стражи ринулись за нами по следам нашего проводника вглубь греческой территории. Их никто не остановил и они нас мгновенно обнаружили. Всех троих – отца, мать и меня – арестовали. Вскоре мы оказались в Военной тюрьме. Моя камера была последней в коридоре с глухими стенами. Собственно, это была не камера, а пенал, куда вмещался узкий деревянный лежак с соломенным тюфяком. Ни простыни, ни подушки, ни одеяла, к которым я привык с детства. Действительно, как вы говорите, из князей в грязь! Но я ещё не догадывался, какие испытания меня ждут! Узкий проход, по которому я ходил – два шага вперёд, два шага назад – поначалу угнетал ужасно. Высоченная дверь с небольшим, постоянно открытым оконцем у самого потолка. Через решётку в это оконце я угадывал дневной свет, пробивавшийся туда из окна в конце коридора. По нему примерно представлял себе время суток. Через коридорное окно я мог кое-что слышать из того, что происходило во дворе. Но лучше бы я это кое-что не слышал: крики избиваемых и звуки ночных выстрелов изводили меня не меньше, чем нахождение в одиночке. От безделья я спасался сном и вдруг обретённой способностью переноситься мысленно в ту прежнюю жизнь, где есть твой дом, твои родители, уроки, перемены в школьном дворе.

Однажды в камеру вошёл пожилой следователь и оставил мне Майн Рида и Карла Майя. Просто пожалел, наверное, меня. Он принёс эти две книги из дома. Я читал их днём и ночью. Других развлечений не было. Нет, не правда! Ещё одно заключалось в том, что я прислушивался к тому, что происходило за дверью. Обычно я слышал лишь тишину, но иногда в тюрьму приходил парикмахер и стриг заключённых у окна в коридоре, где было светлее. Самим заключённым говорить запрещалось, а цирюльник командовал: «Наклони голову!», «Повернись!» И вот однажды вдруг слышу: кто-то из тех, кого стрижёт парикмахер, насвистывает старый английский военный марш, любимую мелодию моего отца «It's a Long Way to Tipperary»! Я тут же продолжил насвистывать этот марш из своей камеры. Так мы оба узнали, что сидим рядом...

Первую рассказ князя собственными детскими впечатлениями. Со времён эвакуации нашей семьи осенью сорок первого из Москвы я боялся тюрьмы. Дом на окраине Ульяновска, куда нас временно поселили, окнами выходил на женскую тюрьму. Помню просунутые сквозь решётки женские руки, какие-то жалостливые, тягучие песни, доносившиеся из камер ближе к вечеру, и мольбы ко всякому прохожему, чтобы тот бросил папироску заключённым или поделился тем, что несёт в авоськах. И много позже, в Москве, вплоть до самого моего отъезда в Лондон, я жил в доме напротив Бутырской тюрьмы. Из окон кухни я каждое утро видел зарешечённые окна камер. Так что всю мою жизнь тюрьма, как угроза, оказывалась рядом. Хотя, как выяснилось, я мало что знал о ней. В фильме о Никите Лобанове-Ростовском есть кадры, где он посещает свою Софийскую тюрьму спустя почти полвека. И комментирует, что никто не думал там о... безопасности заключённых: на окнах камер в многоэтажном здании не было даже решёток. Может быть, специально, чтобы заключённые могли выпрыгнуть с верхнего этажа и разбиться! Я же считал, что решётки ставят не в целях безопасности доведённых до отчаяния заключённых, а чтоб не убежали.

Но не только этим открытием удивил меня бывший узник тюрьмы, а ещё и виртуозным тюремным жаргоном. Он владеет им в совершенстве не только на болгарском, но и на русском языке по сегодняшний день! С тех пор Никита Дмитриевич умеет свистеть, как шпана! Если

в тихий воскресный день вы будете прогуливаться по Ричмонд-парку и услышите пронзительный свист «Соловья-Разбойника», не пугайтесь: это князь, сунув два пальца в рот, зовёт пропавшую из вида свою милую собачку – она, по старости, туговата на ухо. Наверное, уважительный облик князя, его репутация человека, разбирающегося в изобразительном искусстве, плохо вяжутся с его рассуждениями о тюрьме:

– Для большинства людей нахождение в тюрьме проходит несколько стадий. Первая – около 40 дней – это недоумение, непонимание, эмоциональное потрясение. После чего, если нет разъяснений, зачем посадили, и неизвестен срок, время начинает идти монотонно. И, бывает, люди тогда переосмысливают ценности жизни.

Но в Военной тюрьме мне, ребёнку, было не до переосмыслений. Там меня мучил голод. В день нам давали 120 грамм хлеба. Это было всё. Я разболелся. Тогда меня перевели в нормальную тюрьму – Софийскую Центральную для уголовников: там кормили лучше, и, главное, был лазарет. Утром давали тёплый чай из липы и 50 грамм кукурузного хлеба. На обед 150 грамм хлеба и похлебку вроде бы из фасоли. Вечером похлебка из той же фасоли и 100 грамм хлеба. Всего 300 грамм хлеба в день. Меня там даже лечили в тюремной больнице. Хорошо помню тюремный хлеб. Сырое тесто забивало желудок, но зато не чувствовался голод. В той тюрьме мне посчастливилось сидеть с ворами. От них я узнал много полезного – как перевозить валюту на теле, чтобы ее не нашли, как воровать по утрам в трамваях. Развлекал меня и язык, на котором изъяснялась эта публика. Я быстро вырос.

Помню, однажды ко мне в камеру посадили одного очень красочного цыгана по прозвищу Аванта, которого поймали на воровстве. Он работал на фабрике галош и каждый день, уходя с работы, надевал дополнительную пару! Он не унывал и даже в тюрьме щеголял в элегантных галошах, которых во время войны не было ни у кого. Своими рассказами и непосредственностью цыган скрашивал мое заключение. Вскоре в этой большой тюрьме пришла и маленькая свобода: во дворе под навесом стояли сломанные, с погнутыми колёсами, велосипеды. Это был основной вид транспорта для милиционеров. Я был самый юный заключённый. Потому, вероятно, мне доверили привести велосипеды в порядок. В сарае с велосипедами стояли мешки с луком, который периодически мне поручали чистить. В камерах были окна без стекол, только с двумя железными перекладинами. Когда я чистил лук, Аванта протягивал руки из камеры, я подбрасывал луковицу и ему часто удавалось её поймать. Так мы добивали свой паёк.

А теперь о главном. Моя камера в этой тюрьме имела окно, которое выходило в тюремный двор. И вот в это окно я вдруг увидел маму. Аванту к тому времени осудили, отправив в лагерь, а в мою камеру привели, наконец, мою мать. Тут уж тюрьма показалась мне раем. Мама много рассказывала мне о странах и городах, о Лондоне и Париже. Мы сблизились с ней в этой тюрьме больше, чем дома...

Такие перемены в судьбе Никиты не были случайностью. Международный комитет Красного Креста в Женеве получил письмо из Парижа, в котором сообщалось, что болгарские власти нарушают международные конвенции и содержат в тюрьме 11-летнего ребёнка, без предъявления обвинений и приговора, к тому же, похищенного болгарскими на территории Греции. Заключение Никиты в Военную тюрьму было нарушением закона даже по советским правилам. В Советском Союзе разрешалось судебное преследование детей – 12-ти лет и старше. Тут уместно историческое отступление.

Не так давно была рассекречена запись встречи писателя Ромена Роллана со Сталиным в его кабинете в Кремле. Встреча состоялась 28 июня 1935 года. Сталин сказал, что рад побеседовать с величайшим мировым писателем. Ромен Роллан сожалел, что здоровье не позволило ему «раньше посетить этот великий мир, который является гордостью для всех нас». Станным образом эти комплименты не помешали французскому писателю напомнить, что в СССР недавно был опубликован закон о наказании малолетних преступников. Он посетовал, что «текст этого закона на Западе недостаточно известен, и даже если он известен, он вызывает

серьёзные сомнения. Получается, что над этими детьми нависла смертельная казнь». Может быть, в этот момент бровь диктатора вопросительно поднялась и прогрессивно настроенный писатель спохватился: «Я хорошо понимаю мотивы... но публика не понимает. Это может быть источником очень большого движения протеста. Это нужно немедленно предотвратить». По контексту речи получалось, что предотвратить надо не введение закона, а отсутствие опровержений и разъяснений, которое как раз и плодит клевету на советский строй.

Нелепые пояснения Сталина, возможно, вынудили засекретить запись этой беседы. Впрочем, пусть читатель судит сам:

Сталин. Может быть. Возможно, что вы правы. Конечно, можно было бы реагировать энергичнее на эти нелепые слухи... Теперь позвольте мне ответить на ваши замечания по поводу закона о наказаниях для детей с 12-летнего возраста. Этот декрет имеет чисто педагогическое значение. Мы хотели устрасить им не столько хулиганствующих детей, сколько организаторов хулиганства среди детей. Надо иметь в виду, что в наших школах обнаружены отдельные группы в 10–15 человек хулиганствующих мальчиков и девочек, которые ставят своей целью убивать или развращать наиболее хороших учеников и учениц, ударников и ударниц. Были случаи, когда такие хулиганские группы заманивали девочек к взрослым, там их спаивали и затем делали из них проституток. Были случаи, когда мальчиков, которые хорошо учатся в школе и являются ударниками, такая группа хулиганов топила в колодце, наносила им раны и всячески терроризировала их. При этом было обнаружено, что такие хулиганские детские шайки организуются и направляются бандитскими элементами из взрослых. Понятно, что Советское правительство не могло пройти мимо таких безобразий. Декрет издан для того, чтобы устрасить и дезорганизовать взрослых бандитов и уберечь наших детей от хулиганов. Обращаю ваше внимание, что одновременно с этим декретом, наряду с ним, мы издали постановление о том, что запрещается продавать, покупать и иметь у себя финские ножи и кинжалы.

Ромен Роллан. Но почему бы вам вот эти самые факты и не опубликовать? Тогда было бы ясно – почему этот декрет издан.

Сталин. Это не такое простое дело. В СССР имеется еще немало выбившихся из колеи бывших людей, жандармов, полицейских, царских чиновников, их детей и родных. Эти люди не привыкли к труду, они озлоблены и представляют готовую почву для преступлений. Мы опасаемся, что публикация о хулиганских похождениях и преступлениях указанного типа может подействовать на подобные выбитые из колеи элементы заразительно и может толкнуть их на преступления.

Ромен Роллан. Это верно, это верно.

Сталин. А могли ли мы дать разъяснение в том смысле, что этот декрет мы издали в педагогических целях, для предупреждения преступлений, для устрашения преступных элементов? Конечно, не могли, так как в таком случае закон потерял бы всякую силу в глазах преступников.

Ромен Роллан. Нет, конечно, не могли».

Вот такой диалог друга детей, вождя Страны Советов с величайшим мировым писателем состоялся в Кремле. Он отражал отношение к детям пролетарского государства. Болгарские товарищи-коммунисты во второй половине сороковых годов спешно перестраивали жизнь страны. Это касалось и школ, и тюрем. Выслуживаясь перед Москвой, в данном случае, они проявили излишнее рвение. Но было дано соответствующее указание и вскоре Никиту выпустили из тюрьмы. Её он вновь решится посетить в разгар перестройки, в 1992 году, с разрешения болгарского министра внутренних дел. В этой поездке приняли участие советское телевидение и корреспондент «Советской культуры» в Софии Светлана Балашова, которая была инициатором этого посещения. Волнующий эпизод, когда бывший малолетний узник идёт по коридору этой тюрьмы, снимался кинооператором, благодаря чему стал фактом истории. Высокое здание без решёток. Экскурсию сопровождает полицейский чин. Никто не дога-

дывается, что переживает в это мгновение высокий седовласый господин, с американским паспортом в кармане. В саму камеру, впрочем, князь не попал. Её тогда ремонтировали.

«Восток-запад»

Всякий раз, когда я заново смотрю фильм «Восток-Запад» с Катрин Денёв, у меня наворачиваются слёзы. В кадрах прибытия на Родину эмигрантов, заманенных сталинской пропагандой, при всей их нарочитости, я видел своего отца, у которого сразу отобрали аргентинский паспорт. Вот почему в аэропорту Шереметьево меня всегда охватывает страх. Мой сын называет это паранойей. Наверное, он прав! Тем не менее, тот эпизод из фильма, где главный герой вплавь выбирается из «советского рая», пока его в нейтральных водах не подбирает иностранный корабль, трогает меня по сегодняшний день. Я вновь и вновь задаю себе вопрос, как мог мой отец уехать из свободной Аргентины, страны с очень высоким тогда уровнем жизни, как он мог поддаться иллюзии, что сталинский режим в Советском Союзе строит новую счастливую жизнь? И как отец Никиты мог остаться ждать «освободителей», а не уйти на Запад?

Ответы на эти вопросы не так просты, как кажется. Американец Сай Фрумкин, с которым мы были хорошо знакомы, рассказывал, как накануне фашистской оккупации его старший брат приехал в Литву, чтобы уговорить семью бросить всё и уходить. Родители пожалели дом, двор, корову, прочую живность, и остались. Вскоре вся семья оказалась в Дахау. Отец, мать, братья, сестры, все погибли. Чудом выжил лишь 14-летний Сай. В 1945 году узники Дахау – и Сай в том числе – были освобождены американскими войсками. Помню, как Сай в наших продолжительных беседах на его кухне в Лос-Анджелесе рассуждал о своей семье. Он с пониманием относился к трагическому решению родителей остаться – они же не предполагали, что речь шла о жизни и смерти.

Я ещё не был в Буэнос-Айресе и не пытался исследовать обстоятельства, в которых жил мой отец. Знаю только, что коммунистом он не был никогда. Но устоять перед соблазном увидеть новый мир и поехать строить социалистический Биробиджан, видимо, не сумел. Впрочем, в тридцатые годы на наживку сталинской пропаганды попадались и гораздо более искушённые люди. Скажем, те же Ромен Роллан, Бернард Шоу, Герберт Уэлс, Анри Барбюс, Рафаэль Альберти, много лет живший в Аргентине. Почти все они встречались со Сталиным. Об одной встрече – Ромена Ролана с кремлёвским вождём – я рассказал, но ни он, никто из западных «инженеров человеческих душ» до самой смерти так и не выступил с разоблачением диктатора. Так что не только мой наивный, как я думаю теперь, отец, а весь мир верил в то, что Советский Союз строил новую невиданную жизнь!

Нет никаких данных, что отец Никиты оказался в плену подобных иллюзий. Но в таком случае, что задержало его в стране, которую вот-вот должны были оккупировать советские войска? Поверил, как тогда многие, что после победы над фашизмом, доставшейся такой ценой, Советский Союз несёт свободу и демократию? Надеялся, что всё обойдётся? Возможно. Только что же тут странного? Работая финансовым директором на итальянской фабрике, он обеспечивал своей семье безбедную жизнь. Правильно полагал, что перебравшись на Запад, найти работу ему будет весьма не просто. Не принимать в расчёт это житейское обстоятельство, которое могло породить иллюзию, что Советы его не тронут, никак нельзя. У Лобановых, живших в Софии, был уже тяжелейший опыт побега 20-летней давности. И теперь снова? Так что мы не можем судить наших родителей, не зная всех обстоятельств. Потому, возвращаясь к судьбе князя, вместо дальнейших предположений, скажу об удивительном совпадении.

У меня в архиве случайно сохранился отпечатанный на моей пишущей машинке «Эрика» текст очерка о князе, о котором упомянуто в предисловии. Тогда, в 1995 году, компьютера у меня не было. Потому считаю эти листочки настоящим документальным подтверждением: за несколько лет до выхода на экраны фильма «Восток-Запад» Никита Дмитриевич рассказывал о плане побега в Турцию вплавь. И теперь спустя десятилетия, я заново осмысливал подготовку Никиты к тому побегу, судьбу его матери.

Да, конечно, скандал на «мировом уровне» заставил смягчить тюремный режим для малолетнего узника. Ну, а что же эти самые органы проделали с матерью? Никита Дмитриевич показал мне протокол допроса её в военной тюрьме, который он получил в милиции в начале перестроечных времён в Софии. Приведу лишь отдельные вопросы и ответы из этого протокола от 29 ноября 1946 года:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.